

Подходы к выделению структуры психологического возраста и их объяснительно-описательный потенциал по отношению к старости

А. С. Белорусец

аспирант кафедры возрастной психологии и психологии развития факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, психолог закрытого акционерного общества «Лаборатория "Гуманитарные Технологии"»

Ю. И. Фролов

кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии и психологии развития факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В статье анализируются отечественные схемы описания структуры психологического возраста (Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина), зарубежная схема, основанная на введенном Р. Хевигхерстом концепте «задачи развития», рассматриваются сильные и слабые места этих схем. Формулируются критерии, которым должна соответствовать универсальная всевозрастная схема (полнота, непротиворечивость, методологическая новизна). Авторы констатируют, что на сегодняшний день подобной схемы не создано. Предлагается авторская схема структуры возраста, построенная в соответствии со сформулированными принципами. В нее входят такие компоненты, как «Ситуация развития» (подробно рассматриваются причины отказа от эпитета «социальная»), «Задачи развития» (выдвигается идея построения их иерархии), «Ведущая деятельность», «Новообразования возраста». Отдельно рассматривается место субъекта развития в этой схеме. Данная схема наполняется содержанием, связанным со старостью как психологическим возрастом. Анализируются три траектории жизненного пути в старости (инволюция, адаптация и развитие), в основе различия которых лежит отношение субъекта и элементов структуры его психологического возраста. На примере этих трех траекторий рассматривается динамика психологического возраста.

Ключевые слова: психологический возраст, структура возраста, ведущая деятельность, ситуация развития, новообразование, задачи развития, динамика возраста, старость, траектории жизненного пути в старости.

Если рассматривать психологический возраст как единицу анализа развития человека, прежде всего следует ответить на вопрос о его структуре и динамике. Без его разрешения любое возрастное-психологическое исследование становится бессмысленным. В этой связи неудивительно, что многие отечественные и зарубежные авторы уделяли этому вопросу внимание. На сегодняшний день создано несколько концептуальных схем, структурирующих содержание категории «психологический возраст», а корпус описания феноменологии различных возрастов богат настолько, что представить себе его масштабы практически невозможно.

На наш взгляд, именно определение универсальной концептуальной сетки, с помощью которой можно описать любой возраст, является той отправной точкой, от которой должно начинаться любое исследование в рамках психологии развития.

Более того, данная концептуальная сетка, как нам кажется, уже должна заключать в себе все возможные направления собственно возрастное-психологических исследований, которые соответственно, должны возникать из взаимодействия каких-то отдельных элементов данной формальной схемы и конкретного содержания, обусловленного спецификой возраста.

Изучая особенности старости как психологического возраста, мы столкнулись с рядом моментов, которые и побудили нас к созданию собственного варианта подобной схемы и написанию данной статьи.

Во-первых, мы обратили внимание на кажущееся сходство и/или взаимодополнительность многих моделей и, как следствие, предполагаемую возможность объединения всех или хотя бы некоторых из них в некую синтетическую модель с большим объяснительно-описательным потенциалом.

Во-вторых, нам бросилась в глаза чрезмерная свобода, с которой разнообразная феноменология подводилась учеными под понятие *элементы структуры возраста*. Различные авторы в разных контекстах (а порой и один и тот же автор в одном и том же месте) могут рассматривать совершенно разновеликие и несопоставимые по масштабу феномены как равно содержательно раскрывающие специфику того или иного концепта в определенном возрасте. Более того, как нам показалось, большинство существующих схем грешит тем, что в качестве элементов одного порядка выступают не просто разные по масштабу, но совершенно разнородные вещи: например понятия, описывающие формальные и содержательные характеристики возрастного периода.

В-третьих, при работе со спецификой именно старости — возраста маргинального (в буквальном смысле: нормативно ограничивающего время человеческой жизни, пограничного) нам удалось заметить особенности структуры возраста, которые меньше бросаются в глаза при изучении других возрастов, не обладающих свойством маргинальности. Старость со всеми ее особенностями подсветила эти моменты, и они рельефно предстали перед нашими глазами.

Эти наблюдения поставили перед нами цель фиксации некой новой концептуальной схемы, описывающей структуру психологического возраста. Основным ее отличием от других схем, по нашей задумке, должна стать не столько содержательная новизна или инновационный принцип, положенный в основу, сколько аккуратность и аргументированность, скрупулезность составления. Иными словами, мы не претендуем на нахождение нового, а скорее, хотели бы навести определенный порядок в огромном множестве уже добытого и зафиксированного знания.

Какие же требования мы предъявляем к «хорошей» (а мы хотели бы создать именно такую) схеме структуры психологического возраста?

1. *Онтологическая адекватность* (своего рода внешняя валидность). Схема должна обладать достаточной степенью всеобщности, т. е. содержащиеся в ней элементы должны позволять полно описывать любой психологический возраст от рождения до смерти, но при этом она не должна быть чрезмерно упрощенной, позволяя учитывать «взаимосвязь различных уровней психического развития человека» [9, с. 19]. В современной отечественной психологии попытка создания интегральной схемы психического развития была предпринята В. И. Слободчиковым и Г. А. Цукерман [11]. Нам она представляется вполне успешной, однако не вполне операционализированной, а в большей степени теоретической.

2. *Логическая корректность* (своего рода внутренняя валидность). Схема должна быть концептуально строгой, т. е. на одних уровнях в данной схеме должны присутствовать сопоставимые и качественно однородные элементы. Функциональные описания могут и должны дополняться содержательными,

но они не должны перемешиваться и путаться между собой (подобно тому, как нельзя «складывать слонов с попугаями»).

3. *Методическая новизна*. Схема должна быть эвристичной, т. е. должна открывать новые направления для исследований или даже, лучше сказать, подсказывать их. Применение данной схемы должно расширять возможности познания реальности.

В настоящей работе мы хотели бы рассмотреть три основных схемы описания психологического возраста, выявить и обсудить их сильные и слабые стороны, а также предложить четвертую схему, минимизирующую недостатки и максимизирующую достоинства предыдущих. Мы хотели бы рассмотреть следующие схемы: 1) схему Л. С. Выготского; 2) схему А. Н. Леонтьева и Д. Б. Эльконина; 3) схему, основанную на концепте «Задача развития» (Р. Хевигхерст и др.).

Схема Л. С. Выготского

Прежде чем перейти к рассмотрению описания самого процесса развития в определенном возрастном периоде, остановимся на одном общем положении. Для нас важнейшее значение имеет тезис Л. С. Выготского о целостности процесса развития и возможности выделить в каждом возрасте (т. е. на каждом этапе этого целостного процесса) инвариантную структуру.

«Процесс развития в каждую возрастную эпоху, несмотря на все сложности его организации и состава, на все многообразие образующих его частичных процессов... представляет собой единое целое, обладающее определенным строением; законами строения этого целого, или структурными законами возраста, определяются строение и течение каждого частного процесса развития, входящего в состав целого» [4, с. 256].

Теперь постараемся словами самого автора описать весь процесс развития на определенном возрастном этапе (цитата получится довольно обширной, но зато мы ничего не потеряем):

«... К началу каждого возрастного периода складывается совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего, социальной. Это отношение мы и назовем социальной ситуацией развития в данном возрасте... Из жизни ребенка в этой социальной ситуации необходимо возникают и развиваются новообразования, свойственные данному возрасту. Эти новообразования, характеризующие в первую очередь перестройку сознательной личности ребенка, являются не предпосылкой, но результатом или продуктом возрастного развития. Изменение в сознании ребенка возникает на основе *определенной, свойственной данному возрасту, формы его социального бытия*», — пишет далее Л. С. Выготский [4, с. 258—259; курсив наш. — А. Б., Ю. Ф.].

«Новая структура сознания, приобретаемая в данном возрасте, неизбежно означает и новый характер восприятий внешней действительности и *деятельности в ней*, новый характер восприятия внутренней жизни самого ребенка и внутренней активности его психических функций... Мы видим, что в результате возрастного развития возникающие к концу данного возраста новообразования приводят к перестройке всей структуры сознания ребенка и тем самым изменяют всю систему его отношений к внешней действительности и к самому себе... Но это не может не означать и того, что необходимо должна измениться и социальная ситуация развития, сложившаяся в основных чертах к началу какого-то возраста. Ибо социальная ситуация развития не является ничем другим, кроме системы отношений между ребенком данного возраста и социальной действительностью. И если ребенок изменился коренным образом, неизбежно должны перестроиться и эти отношения» [4, с. 259–260].

Давайте теперь аналитически разложим данное описание, выделив ключевые понятия и компоненты, которые использует Л. С. Выготский для описания процесса развития.

1. Л. С. Выготский формулирует понятие «социальной ситуации развития» — того источника, из которого черпается импульс к развитию и содержание, которое будет интериоризировано в ходе развития. В его понимании: «Социальная ситуация развития представляет собой исходный момент для всех динамических изменений, происходящих в развитии в течение данного периода. Она определяет целиком и полностью те формы и тот путь, следуя по которому ребенок приобретает новые и новые свойства личности, черпая их из социальной действительности, как из основного источника развития, тот путь, по которому социальное становится индивидуальным» [4, с. 258–259].

На разборе этой цитаты хотелось бы остановиться подробнее, ибо здесь есть один нюанс, который крайне важен для нас. В этом отрезке текста мы видим, как рождается такая знакомая для нас категория «социальной ситуации развития». И мы видим, что на момент своего рождения — это более широкий конструкт, чем тот, к которому мы привыкли, и чем то, как его использует сам Л. С. Выготский далее, в частности, когда он дает название новорожденному конструкту. Реальное содержание этого конструкта оказывается шире (и об этом пишет сам Л. С. Выготский), чем следует из его названия. Еще раз вернемся к цитате: «совершенно своеобразное... отношение между ребенком и окружающей его действительностью, *прежде всего*, социальной. Это отношение мы и назовем социальной ситуацией развития в данном возрасте». Выделенное курсивом словосочетание «прежде всего» говорит нам о том, что при всей своей социальности, социальная ситуация развития не сводима только лишь к социальному. Говоря, что социальная ситуация развития — это лишь отношения субъекта с социальным окружением, мы теряем из поля зрения отношения субъекта с материальным миром и миром духовным (культурным), которые также могут, на наш

взгляд, являться источником развития. Так почему же Л. С. Выготский переходит к более узкой трактовке и подталкивает к ней читателя?

Здесь может быть несколько ответов. Во-первых, отметим, что Л. С. Выготский пытается амплифицировать понятие социальной ситуации развития как бы с другой стороны: он указывает на то, что социальная ситуация развития — это отношение, а значит, в нем следует выделять как минимум два полюса, полюс субъекта и полюс объекта — социального окружения. В «Лекциях по педологии» он указывает, что «... ситуация будет влиять на ребенка по-разному в зависимости от того, насколько ребенок понимает ее смысл и значение» [3, с. 77]. Такое уточнение уже значительно обогащает содержание термина «социальная ситуация развития», прибавляя к социально-средовому компоненту компонент субъектный. Во-вторых, Л. С. Выготский изучал именно детское развитие, а детство — отрезок человеческой жизни, когда феномены саморазвития если и встречаются, то не носят систематического характера, как это происходит в более поздних возрастах. Наконец, в-третьих, для Л. С. Выготского именно социальный (а вместе с ним и языковой) компонент являлся наиболее интересным, и он стремился подчеркнуть его значение, за что был критикуем. В частности, А. Н. Леонтьев считал, что «положение Л. С. Выготского о том, что сознание есть продукт речевого общения ребенка в условиях его деятельности по отношению к окружающей его вещной действительности, необходимо обернуть: сознание ребенка есть продукт его человеческой деятельности по отношению к объективной действительности, совершающейся в условиях языка, в условиях речевого общения» [5, с. 122].

2. В качестве критерия психологического возраста и продукта развития Л. С. Выготский рассматривает психические новообразования.

«Под возрастными новообразованиями, — пишет он, — следует понимать тот новый тип строения личности и ее деятельности, те психические и социальные изменения, которые возникают на данной возрастной ступени и которые в самом главном и основном определяют сознание ребенка, его отношение к среде, его внутреннюю и внешнюю жизнь, весь ход его развития в данный период» [4, с. 248]. «На каждой данной возрастной ступени мы всегда находим центральное новообразование, как бы *ведущее* для всего процесса развития и характеризующее перестройку всей личности ребенка на новой основе. Вокруг основного, или центрального новообразования данного возраста располагаются и группируются все остальные частичные новообразования, относящиеся к отдельным сторонам личности ребенка, и процессы развития, связанные с новообразованиями предшествующих возрастов. Те процессы развития, которые более или менее непосредственно связаны с основным новообразованием, будем называть центральными линиями развития в данном возрасте, все другие частичные процессы, изменения, совершаю-

щиеся в данном возрасте, назовем побочными линиями развития. Само собой разумеется, что процессы, являющиеся центральными линиями развития в одном возрасте, становятся побочными линиями развития в следующем, и наоборот» [4, с. 256—257; курсив наш. — А. Б., Ю. Ф.].

3. Нам представляется, что в схеме Л. С. Выготского существует и еще один компонент, по каким-то причинам не зафиксированный понятийно, но, тем не менее, постоянно упоминаемый. Это «жизнь ребенка в социальной ситуации», «определенная, свойственная данному возрасту, форма его социального бытия», т. е. тот бытийный (или, если угодно, деятельностный) компонент, который переводит «значимые отношения» из синонима установки в синоним интеракции. Хочется сказать, что именно этот компонент выходит на передний план в работах А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина и других и получает название «ведущей деятельности», но похоже, что не все так просто...

Схема А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина

Д. Б. Эльконин ставит перед собой задачу сохранить и вместе с тем развить в соответствии с современными ему знаниями подход к периодизации психического развития, предложенный Выготским. Ссылаясь на А. Н. Леонтьева и опираясь на его позицию, Эльконин пишет:

«В изучении развития психики ребенка, считал А. Н. Леонтьев, следует исходить из анализа развития его деятельности так, как она складывается в данных конкретных условиях его жизни. Жизнь или деятельность в целом не складывается, однако, механически из отдельных видов деятельности. Одни виды деятельности являются на данном этапе ведущими и имеют большее значение для дальнейшего развития личности, другие — меньшее. Одни играют главную роль в развитии, другие — подчиненную. Поэтому нужно говорить о зависимости развития психики не от деятельности вообще, а от ведущей деятельности. В соответствии с этим можно сказать, что каждая стадия психического развития характеризуется определенным, ведущим на данном этапе отношением ребенка к действительности, определенным, ведущим типом его деятельности. Признаком перехода от одной стадии к другой является именно изменение ведущего типа деятельности, ведущего отношения ребенка к действительности» [15, с. 63].

Очевидно, что данная схема генетически восходит к схеме Л. С. Выготского. Указание А. Н. Леонтьева на то, что одни виды деятельности имеют для развития в определенном возрасте большее значение, чем другие, выделение «ведущей деятельности» перекликается с выделением Л. С. Выготским «ведущего новообразования» и разделением линий развития на центральные и побочные.

Другой существенный момент заключается в том, что А. Н. Леонтьев и Д. Б. Эльконин определяют ведущий тип деятельности как ведущее отношение ре-

бенка к действительности. То есть почти точно так же, как Л. С. Выготский определял понятие социальной ситуации развития. Означает ли это, что «ведущая деятельность» А. Н. Леонтьева и «социальная ситуация развития» Л. С. Выготского — это синонимы?..

Обратим внимание еще на один нюанс: мы уже отмечали, что вводя категорию «социальной ситуации развития», Л. С. Выготский говорит о ее содержании весьма широко, относя к ней не только отношения с окружающей действительностью, но отношения с «окружающей действительностью, прежде всего, социальной», однако в дальнейшем употребляет термин в узком значении. Д. Б. Эльконин же возвращает нас к более широкому пониманию, выделяя два аспекта отношения ребенка с окружающей действительностью, он условно разделяет деятельность ребенка внутри систем «ребенок—общественный предмет» и «ребенок—общественный взрослый», подчеркивая, что «единый по своей природе процесс жизни ребенка в обществе в ходе исторического развития раздваивается, расщепляется на два» [15, с. 69].

А. Н. Леонтьев следующим образом описывает нормальный ход детского развития: «Смена ведущего типа деятельности ребенка и его переход от одной стадии развития к другой отвечают возникающей внутренней необходимости и совершаются в связи с тем, что ребенок ставится воспитанием перед новыми задачами, соответствующими его изменившимся возможностям и его новому сознанию» [7, с. 413]. Здесь мы первый раз сталкиваемся с некоторыми «задачами», которые общество ставит перед развивающимся субъектом. Но можем ли мы отождествлять задачи, о которых говорит А. Н. Леонтьев, с концептом «задачи развития», используемым в западной возрастной психологии?..

Схема «Задач развития»

Несмотря на то, что, как указывает Х. Ремшмидт, еще Шпрингер рассматривал человеческое развитие как решение специальных задач, считается, что сам концепт «задача развития» (developmental task) принадлежит Р. Хевигхерсту. Во всяком случае, он активно его использовал и даже посвящал ему монографии (см.: [17]).

Раскрывая содержание данного концепта, он указывает: «задачи развития состоят в формировании тех качеств, которые необходимы самому индивиду и соответствуют общественным запросам. Это умения, знания, функции и установки, которые индивид должен приобрести к определенному моменту своей жизни в процессе физического созревания, под влиянием социальных ожиданий и с помощью личных усилий». (цит. по: [1, с. 10]). Сказанное можно трактовать двояко: либо имплицитно подразумевается тождественность «качеств, которые необходимы самому индивиду», и качеств, которые соответствуют общественным запросам, либо имеется в виду необ-

ходимость соблюдения обоих условий, чтобы та или иная задача могла называться задачей развития. Здесь скрыта определенная проблема, которую рассмотрим более подробно ниже.

Для нас крайне важно, что в понимании Р. Хевигхерста задачи развития может ставить не только общество. Помимо социума он выделяет еще два источника этих задач: физическое созревание (или шире — телесные изменения) и саму личность человека. Но важно также и другое: вне зависимости от источника все задачи развития закреплены в культуре и на уровне «житейской психологии» принимаются социумом. П. Хейманс пишет по этому поводу: «Задачи развития являются культурными конструктами, общими для всех членов одной культуры. Носителями этих конструктов являются преимущественно взрослые, но и младшие члены общества, взрослея и становясь членами данного культурного сообщества, также становятся носителями данных конструкций. То, что оказывается общим для всех, является житейской психологией развития (folk psychology)» [13, с. 13–14].

Концепция задач развития не является в строгом смысле возрастно-психологической, т. е. она не нуждается в понятии возраста как некоторого целостного периода. Задачи развития заведомо множественны и, как правило, не жестко привязаны к определенному времени человеческой жизни. Тем не менее этот концепт востребован в психологии развития, так как позволяет операционализировать содержание этого процесса и в известном смысле перенести на развитие методологию изучения решения задач.

Универсальная всевозрастная схема психологического возраста

Мы постарались собрать вышеописанные схемы в некоторое непротиворечивое единство, сохранив их сильные стороны и, по возможности, скорректировав слабые. Итак, нам представляется верным выделить следующие элементы структуры возраста.

1. **Ситуация развития возраста** (мы делаем акцент на исключении эпитета «социальная») как значимые для субъекта отношения (близкий термин — «радиус значимых отношений» — находим у Э. Эриксона, у П. Флоренского — «психическая телесность»).

Если в детском возрасте эти отношения возникают, как правило, между субъектом и его телом, социальным или предметным окружением, то уже с подросткового возраста структура этих отношений значительно усложняется и может включать отношения с различными нематериальными конструкциями, например, с «собой прошлым» или, наоборот, «собой идеальным», с литературными героями (образ кото-

рых может заменять собой образ значимого другого), отношения с трансцендентными силами, в которые верит субъект (Богом, небесными покровителями, демонами и т. п.) В самом общем виде содержание ситуации развития можно разделить на материальное, социальное и духовное.

Выше мы уже приводили слова Л. С. Выготского: «Ситуация будет влиять на ребенка по-разному в зависимости от того, насколько ребенок понимает ее смысл и значение... Влияние среды на развитие ребенка будет измеряться ... степенью понимания, осознания, осмысления того, что происходит в среде» [4]. Это положение, будучи экстраполировано на взрослого человека, обладающего развитым сознанием, показывает, что содержание ситуации развития подвержено значительному влиянию субъекта, и чем более развито сознание субъекта, тем больше это влияние.

Чтобы проиллюстрировать этот механизм, проведем параллель между сознанием и вниманием. Как человек, обладающий произвольным вниманием, способен самостоятельно (в известных пределах) выбирать предметы для восприятия, так и человек с развитым сознанием способен выбирать, с кем (и с чем) ему вступать в значимые отношения.

Вообще, как нам кажется, для описания структуры «ситуации развития» большой потенциал имеет теория поля К. Левина. В частности, понятие жизненного пространства является крайне близким к понятию ситуации развития, и те закономерности, которые описаны в отношении первого, имеет смысл экстраполировать и на последнее. Недаром сам Левин (см.: [10]) уделял внимание проблеме возрастной динамики жизненного пространства личности.

2. Развитие человека можно представить как преодоление «зазора*» (термин М. К. Мамардашвили) между актуальным и целевым состоянием. Этот зазор, а вернее, эти зазоры возникают перед субъектом в тех отношениях, которые мы фиксируем под названием ситуации развития (применительно к детскому развитию Выготский писал о внутреннем противоречии, которое появляется в социальной ситуации развития). Их мы и называем **задачами развития**.

Такая формулировка очень удачна, так как иллюстрирует суть процесса и спасает от лишних уточнений. Например, часто приходится сталкиваться с обсуждениями, любую ли задачу можно считать задачей развития. В этом случае обычно уточняют, что задача развития имеет своей особенностью то, что она всегда требует для своего успешного решения качественной перестройки самого субъекта (т. е. возникновения тех или иных новообразований). Однако в данной формулировке этот нюанс уже заложен.

* Несмотря на то, что Л. С. Выготский подобную феноменологию определял понятием «внутреннее противоречие», которое появляется в социальной ситуации развития, нами выбран именно этот термин М. К. Мамардашвили, так как он заключает в себе яркий образ: зазор всегда устраняется заполнением его чем-то, приведением одной его части в соответствие другой, чего нельзя сказать о противоречии.

Второй скользкий момент в традиционном понимании задач развития — их волшебная способность соответствовать одновременно и требованиям общества (внешнего жюри) и траектории развития, которую выбрал субъект. Представив задачу развития как задачу преодоления «зазора», возникшего в значимых отношениях, мы осознаем, что в первоначальной формулировке нет ничего волшебного: преодоление зазора ведет к развитию в желаемом направлении, так как оно связано не с какими-то второстепенными отношениями, а со значимыми: с отношениями не со всем обществом, а именно со значимым для субъекта. Выбирая для себя значимые отношения, субъект тем самым выбирает и задачи, а значит (опосредованно) и новообразования.

Только очень условно можно говорить о том, из какого полюса отношений — субъектного или объектного — исходит инициатива при постановке задач развития, так как она всегда обоюдна. Но все же отметим, что основанием для постановки задач развития могут служить научные, житейские, индивидуальные представления, каким должен быть человек того или иного возраста, пола, социальной группы и т. д., но возможен и другой источник: человек сам может ставить перед собой те или иные задачи. В этом случае можно говорить о саморазвитии.

Задачи развития очень разнородны и порой совершенно несоразмерны друг другу. Они могут находиться в различных отношениях друг с другом, но думается, их вполне можно организовать в определенную иерархическую структуру. Такая иерархия могла бы строиться по принципу обобщения или генерализации компетенции, получаемой в результате решения той или иной задачи развития. Задачи, составляющие определенную «ступеньку», можно в обобщенном виде свести к одной из задач, стоящих на уровень выше. Проиллюстрируем эту идею на материале психологии старости. В списке «нормативных задач» среди прочих находим: «сохранение идентичности» и «адаптацию к потере близких людей». Очевидно, что эти задачи неравнозначны, задача на «сохранение идентичности», несомненно, включает в себя «адаптацию к потере близких людей, в том числе — партнера», но не ограничивается этим. Схематически такую организацию можно представить в виде «дерева».

Можно выделить задачи развития для следующих уровней: **уровня жизнедеятельности** в целом, **уровня конкретного возраста** и **уровня решения локальных проблем**. Чем ниже уровень группы, к которой относится та или иная задача развития, тем отчетливее она осознается субъектом развития, всегда являясь при этом представителем (конкретным воплощением) задач развития более высокого уровня. Степень вариативности, дифференцировка и количество задач развития увеличиваются по мере снижения иерархической позиции (ранга) группы, к которым они относятся. В предельном случае можно говорить об одной-единственной для каждого человека (а то и для всех людей, относящихся к одной

культуре) задаче развития уровня жизнедеятельности. Ее решение занимает всю жизнь, в то время как задачи развития локального уровня различаются не только для каждого человека, но и для каждого относительно короткого момента его жизни: такой задачей может стать, например, приспособление к потере партнера.

Вполне закономерным при таком построении будет переход задач развития из одной иерархической группы в другую, подобно тому, как в теории деятельности мотив может стать целью, а цель — мотивом (см.: [6]). Кроме того, одна и та же задача более низкого уровня может быть включена сразу в несколько иерархически вышестоящих задач. Здесь уместно провести параллель с нейропсихологическим синдромным анализом (см., напр.: [14]): этот метод может рассматривать один и тот же симптом как часть разных синдромов. Вместе с тем важно помнить о принципе неаддитивности деятельности: как и деятельность по их выполнению, пространство жизненных задач неделимо, какие-то определенные задачи (да и вся предложенная иерархия) являются не более, чем моделью, облегчающей процесс познания такого сложного и многомерного феномена, как развитие человека.

Говоря о содержательной стороне предлагаемой схемы, можно отметить следующее. На уровне жизнедеятельности ставится задача смысла жизни (не случайно этой теме в психологии уделяется пристальное внимание), на уровне конкретного возраста — глобальные нормативные задачи этапов жизненного пути, на уровне локальных проблем задачи развития определяются наличными условиями деятельности (например, конкретный телесный недуг или потеря конкретного близкого человека). Таким образом, по мере поднятия по иерархической лестнице задач развития вырастает значимость ядра «Я» субъекта развития, а по мере спуска — значение внешних по отношению к субъекту, постоянно изменяющихся условий.

3. Ведущей деятельностью мы называем деятельность по решению задач развития. Ее конкретное содержание может быть любым, важно лишь, чтобы она позволяла эффективно решать поставленные задачи. При формулировании возрастных нормативов следует отказаться от использования конкретных содержаний для обозначения ведущей деятельности каждого возраста (таких как, например, «игра» или «общение»), так как задачи развития могут иметь разные способы решения.

Здесь возникает один нюанс: мы уже писали, что задачи развития имеют определенную структуру, проводили параллель между этой структурой и структурой деятельности, предложенной А. Н. Леонтьевым. Так вот, ведущая деятельность как таковая соотносится с задачами развития определенного достаточно генерализованного порядка, в то время как конкретные действия и операции, составляющие ее содержание, имеют целью решение более мелких задач развития.

4. **Новообразования**, таким образом, есть продукт деятельности по решению задач развития, поставленных в рамках значимых для субъекта отношений с миром, называемых также ситуацией развития. Важно понимать, что эта деятельность может быть в разной степени результативной, а значит, и новообразования могут формироваться разные. Этот момент ярко представлен в концепции Э. Эриксона, который говорит о позитивных и негативных новообразованиях и рассматривает новообразования каждого возрастного этапа как антагонистические пары. Будучи по определению продуктами решения задач развития, новообразования могут выступать для самого субъекта как средства решения этих задач или как побочные продукты (в случае если субъект не хотел развивать в себе то или иное качество).

Динамика возраста как отношение субъекта к компонентам структуры психологического возраста

В общем виде динамику психологического возраста можно описать следующим образом. Оказавшись в определенной *ситуации развития*, субъект рано или поздно замечает заложенное в ней несоответствие, зазор — так перед ним возникает определенная *задача развития*, требующая активности по своему решению. Деятельность по решению этой задачи приобретает характер ведущей и приводит к перестройке субъекта, формированию определенного *психического новообразования*, без которого задачу не решить. То есть психическое новообразование возникает как средство решения задачи развития, но вместе с тем оказывается и важнейшим продуктом деятельности по решению задачи развития. Иными словами, решение задачи развития приводит не только к изменению ситуации вокруг субъекта, но и к изменению его самого, которое принято обозначать как появление новообразования. Произошедшие изменения порождают новую ситуацию развития — новые значимые отношения, — и сценарий повторяется, но на этот раз категории наполнены уже иным содержанием, специфичным по отношению к новому психологическому возрасту.

Все это верно. Но, как нам кажется, недостаточно психологично. Процесс описан настолько механически детерминированно (вот уж действительно — «развитие — момент вынужденный»), что не оставляет места психическому. Четыре компонента — как четыре шестерни или четыре вала — передают механическую энергию друг на друга и приводят систему в движение. Где же психическое в этой схеме? В буквальном смысле, между строк и — между структурных компонентов. Оно, подобно машинному маслу, смазке, обволакивает стыки структурных компонентов возраста (валов). «Качество» этой смазки играет решающую роль в том, будет ли система двигаться или же останется неподвижной.

Психическая (читай — ориентировочная) часть процесса развития заключается в том, чтобы опознать каждый структурный компонент своего возраста и принять для себя его онтологическую сущность, внутренне с ним согласиться. Давайте теперь переформулируем нашу динамическую схему, сосредоточив внимание на психическом компоненте.

Оказавшись в определенной ситуации развития, субъект рано или поздно замечает (или не замечает) заложенное в ней несоответствие, зазор. Замечает его, он может принять или не принять решение как-то его устранить, изменив внешний мир или себя. То есть он может принять или не принять определенную задачу развития. Деятельность по решению этой задачи на усмотрение субъекта может занять различное место в иерархии — быть второстепенной или приобрести характер ведущей. В последнем случае активное решение подзадач приведет к перестройке субъекта, формированию определенного психического новообразования, без которого основную задачу не решить.

Использование предлагаемой схемы для описания старости как психологического возраста

Жизненные изменения, происходящие в старости, емко описаны Р. Пеком. Он отмечает такие моменты, как прекращение профессиональной деятельности, ухудшение самочувствия и ощущение приближающейся смерти. Пожилой человек оказывается в ситуации, когда большая часть социальных ролей перестает существовать: «люди перестают работать — уходят на пенсию; они перестают быть начальниками; они перестают быть детьми — хоронят своих родителей; они перестают быть родителями — их дети встают на ноги и заводят собственные семьи...» [8, с. 11]. Физические кондиции тоже, как правило, оставляют желать лучшего.

Таково описание внешних изменений. В зависимости от того, в какие отношения с этими изменениями вступит субъект, можно будет говорить о различных траекториях его дальнейшего жизненного пути: траектории *инволюции*, *адаптации* или *собственно развития*.

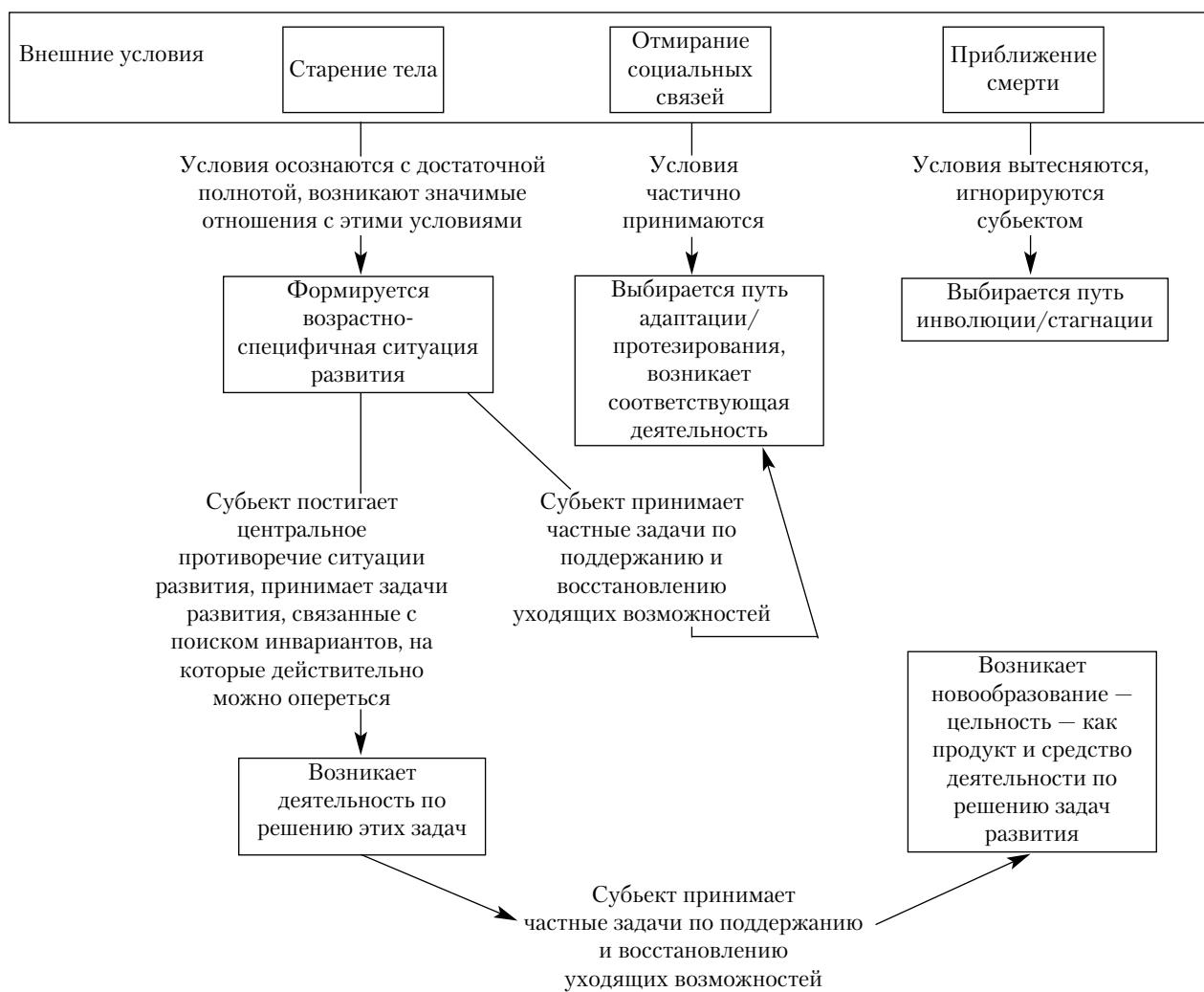
В первом случае защитные механизмы личности (в особенности, отрицание) надежно блокируют адекватное восприятие действительности, и пожилые люди пытаются игнорировать потерю социальных связей, угасание тела и приближение смерти. Они с поразительной ловкостью обходят проблему, стараясь не замечать все три описанных фактора. Идентичность может строиться не на настоящем, а на прошлом. Так, на вопрос «Кто я?» пожилые отвечают, как будто их спросили, кем они были раньше. Доходит до «смешного», в качестве ответа появляются формулировки вроде «[Я...] раньше была здорова» или «[Я —] бывший инженер», т. е. фактически

ки происходит ответ на другой вопрос — «Кем я был?» [2]. Ситуация усугубляется еще и тем, что ряд стереотипов, закрепленных в общественной практике, поддерживает такую «слепоту»: тема смерти и увядания оказывается табуирована, немногие люди, с которыми продолжает общаться пожилой человек, стараются уклониться от разговоров об этих важных вещах, предпочитая более «веселые» темы. То есть защитные механизмы личности прорастают и сплетаются с «защитными механизмами общества», образуя своего рода панцирь, блокирующий адекватное восприятие реальности и препятствующий развитию.

Возвращаясь к понятийному аппарату возрастной психологии, можно сказать, что в вышеприведенном примере ситуации развития как таковой не возникает, а значит, не может быть и самого развития. Пожилой человек отказывается видеть и вступать в отношения с изменяющейся реальностью. В то же время его окружение («жюри», которое, согласно П. Хеймансу [13], ставит перед субъектом задачу развития и оценивает успешность ее выполнения) также отказывается выполнять свои функции. Пожилой человек как бы попадает в ситуацию из

сказки Г. К. Андерсена «Новое платье короля». Таким образом, в описанном нами случае не происходит ни развития как такового, ни хотя бы адаптации пожилого человека к наличным условиям. Имеет место лишь их игнорирование. Такую траекторию мы называем траекторией *инволюции*.

Другой путь — путь *адаптации*, приспособления к условиям (напомним, мы говорим о трех основных моментах: отмирание социальных связей, физическая немощь и приближающаяся смерть). В данном случае психологические защиты работают более избирательно, и табуированной оказывается только тема смерти. При таком взгляде сужение круга общения и старение тела воспринимаются просто как досадные спутники старости, с которыми необходимо бороться, чтобы сделать жизнь пожилого человека более комфортной. На помощь старикам приходит медицина и социальная служба и начинается огромная работа по «протезированию». Причем протезами заменяются не только ветхие органы и системы организма, но и оскудевающий круг общения [12]. В рамках данного пути происходит попытка оживить социальные связи человека, встроить его в новые отношения, организовать досуг, активизировать межпо-



Траектории жизненного пути в старости

коленные контакты, занять посильной общественно-полезной деятельностью и т. п.

Важно подчеркнуть, что путь адаптации не может быть признан путем развития ни с какими оговорками. На пути адаптации развитие ничуть не более возможно, чем на пути инволюции, но если там мы говорили о ситуации «голового короля», то здесь уместно вспомнить о соловье из другой сказки Андерсена и его «золотой клетке». Внешне благоприятные условия — «гальванизированные» тело и социальные связи — в действительности осложняют развитие, маскируя заложенное в социальной ситуации развития противоречие и отсрочивая необходимость решения нормативных задач развития старости. Фактически субъект развития, выбрав путь адаптации, лишает себя старости и «застревает» на предыдущем возрастном этапе.

Наконец, третий путь — путь *развития*. Он предполагает постоянную работу субъекта и смелость увидеть мир таким, какой он есть. Во-первых, субъект должен заметить вышеперечисленные внешние обстоятельства (увядание тела, отмирание социальных связей, скорую смерть) и вступить с ними в определенные отношения. Естественно, чем острее ситуация и чем тяжелее ее не замечать субъекту, тем вероятность возникновения таких отношений выше.

Следующим шагом является расшифровка заложенного в ситуации развития противоречия, или «зазора». На наш взгляд, он заключается в невозможности далее строить идентичность на таких привычных опорах, как тело или социальный статус. Это «открытие» кажется совершенно очевидным, и направление дальнейшего движения указывается старому человеку однозначно и недвусмысленно: тело болеет, социальные роли рушатся, значит, ни на то ни на другое уже нельзя опереться. А вместе с тем необходимость опереться на что-то непреходящее сильна как никогда, так как впереди маячит и неотвратимо приближается такое важное событие, как смерть, перед лицом которой ни сильное тело, ни высокое социальное положение не имеют смысла.

Человеку необходимо найти определенные инварианты, не меркнувшие перед лицом смерти, опора на которые поможет оказаться готовым к встрече с ней. Такими инвариантами могут стать новообразования предыдущих возрастных периодов, а в работе по их поиску может помочь пересмотр собственного жизненного пути. Это только один из возможных путей, но мы ограничимся его рассмотрением, так как он наиболее хорошо описан в литературе.

Э. и Дж. Эриксоны составили таблицу, в которой показали, как в старости проявляются новообразования предшествующих периодов жизненного цикла. Приведем ее здесь (по: [16]).

Проведя особую внутреннюю работу по выискиванию определенных инвариантов в собственной жизни, субъект также организует их в определенную структуру. Мы видим, что эти ранее автономные качества в старости предстают как грани единого кристалла самости, того самого, который рождается из

интеграции всех новообразований отдельных возрастных периодов.

Таким образом, целостность, интегративность, являющаяся, по Э. Эриксону, центральным новообразованием пожилого возраста, предстает не только как принятие собственного жизненного пути, но и как интеграция, обобщение новообразований, развитых на этом пути. В принципе, второе следует из первого: принятие пути включает интеграцию его новообразований, но именно эта, более узкая трактовка, представляет значительный интерес. Дело в том, что такое понимание центрального новообразования поздней зрелости в контексте нашего трехлетнего представления о задачах развития и соответствующих новообразованиях наталкивает на мысль о том, что целостность, о которой говорит Э. Эриксон, если посмотреть на нее через предлагаемую нами призму, есть новообразование не среднего, а высшего уровня, т. е., по сути, — цель всей человеческой жизни. Такой вывод вполне резонен, ведь старость завершает жизненный цикл.

Нам представляется, что центральным новообразованием поздней зрелости является интегрированность. Она же является и центральным новообразованием всей человеческой жизни (новообразованием высшего уровня). Оно достижимо (если достижимо вообще) при условии решения всех предшествующих старости задач развития и представляет собой «гештальт» приобретенных при этом новообразований (среднего уровня).

Следующей ступенькой развития является новая перестройка ситуации развития. Отношения с телом

Таблица
Новообразования всех периодов человеческой жизни и их проявление в старости

| Конфликт и новообразование | Проявления в старости |
|---|---|
| Целостность — отчаянье, мудрость | Экзистенциальная идентичность, чувство целостности, достаточное, чтобы преодолеть физическую дезинтегрированность |
| Генеративность — стагнация, забота | Забота о других, участие, эмпатия, милосердие |
| Интимность — изоляция, любовь | Чувство многозначности межличностных отношений, ценность нежности и свобода любви |
| Идентичность — спутанность идентичности, преданность | Чувство многозначности жизни, слияние сенсорного, логического и эстетического восприятия |
| Чувство достижения — неполноценность, компетентность | Принятие курса жизни и нереализовавшихся надежд |
| Инициатива — вина, целеполагание | Юмор, эмпатия, стойкость (resilience) |
| Автономия — стыд, воля Базовое доверие — недоверие, вера | Принятие жизненного цикла Осознание взаимозависимости и связанности |

и социумом перестают быть значимыми и тем самым уходят из поля ситуации развития. Теперь все ее содержание составляют отношения с приближающейся смертью, но человек, в отличие от прошлого периода, получает надежную опору в этих отношениях. Он достиг целостности и знает, что ответить на все «вечные вопросы».

...

Итак, мы рассмотрели существующие схемы психологического возраста и убедились, что ни одну из них нельзя признать универсальной. Вместе с тем

видно, что предлагаемая в данной статье схема соответствует критериям универсальности. В частности, она позволяет целостно и полно описать старость как психологический возраст, а также вписать ее в контекст всего жизненного цикла. В дальнейшем нам бы хотелось проделать подобную работу в отношении остальных возрастных периодов, продуктом которой явилась бы не только формальная схема структуры и динамики психологического возраста, но и определенное содержание, нормативно наполняющее ее в каждый возрастной период.

Литература

1. *Авдиенко Г. Ю.* Понятие образовательной среды как фактора, определяющего психическое развитие обучающегося // Современные проблемы психологии развития и образования человека. СПб., 2010.
2. *Бороздина Л. В., Молчанова О. Н.* Особенности самооценки в позднем возрасте // Лидерс А. Г., Краснова О. В. Психология старости и старения: Хрестоматия. М., 2003.
3. *Выготский Л. С.* Лекции по педологии. Ижевск, 2001.
4. *Выготский Л. С.* Проблема возраста. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М., 1984.
5. *Леонтьев А. Н.* Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского (критическое исследование) // Вопросы психологии. 1998. № 1.
6. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
7. *Леонтьев А. Н.* К теории развития психики ребенка // Проблемы развития психики. М., 1959.
8. *Лидерс А. Г.* Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом содержании // Психология зрелости и старения. 2000. № 2.
9. *Подольский А. И.* Интериоризация как средство операционализации понятия «задача развития» // Процессы психического развития: в поисках новых подходов / Под ред. А. И. Подольского, Я. тер Лаака, П. Хейманса. М., 1994.
10. *Ремшмидт Х.* Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. М., 1994.
11. *Слободчиков В. И., Цукерман Г. А.* Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. 1996. № 5.
12. *Фролов Ю. И., Тищенко Э. Н.* Решение конкретных проблем с помощью «социального протезирования» // Лидерс А. Г., Краснова О. В. Психология старости и старения: Хрестоматия. М., 2003.
13. *Хейманс П. Г.* Концептуализация и операционализация задач развития // Процессы психического развития: в поисках новых подходов / Под ред. А. И. Подольского, Я. тер Лаака, П. Хейманса. М., 1994.
14. *Хомская Е. Д.* Нейропсихология: 4-е изд. СПб., 2005.
15. *Эльконин Д. Б.* К вопросу о периодизации развития в детском возрасте // Избранные психологические труды. М., 1989.
16. *Goleman D.* Erikson, in his own old age, expands his view of life. The New York Times. 1988. June 14.
17. *Havigherst R. J.* Developmental Tasks and Education, 3rd ed. N. Y., 1972.

Definitions of the structure of psychological developmental periods: explanatory and descriptive potential in application to old age

A. S. Belorusetz

Ph.D. Student, Developmental Psychology Department, Faculty of Psychology, M.V. Lomonosov Moscow State University, psychologist at the closed joint-stock company «Humanitarian Technologies Laboratory»

Yu. I. Frolov

Ph.D. in Psychology, Assistant Professor, Developmental Psychology Department, Faculty of Psychology, M. V. Lomonosov Moscow State University

The paper analyses different Russian theoretical approaches describing the structure of psychological developmental periods (ages) by L. S. Vygotsky, A. N. Leontiev, D. B. Elkonin, and a scheme based on the concept of «developmental task» proposed by R. Havighurst. The strong and weak points of these approaches are analysed. The criteria of a universal scheme for all ages are formulated (exhaustiveness, consistency, methodological novelty). The authors conclude that no such scheme has been created to date and propose an original scheme of age structure, constructed in accordance with the proposed principles. The components of the age structure include developmental situation (the reasons for abandoning its social characteristic are discussed in detail), developmental tasks (the idea to develop an hierarchy of those tasks is proposed), leading activity, and new formations associated with each age period. Also considered is the place of the subject that develops within the proposed scheme. The scheme is applied to a specific developmental period of old age. Three different life paths in old age (involution, adaptation, and development) are differentiated based on relationship between the subject and the different elements of the psychological age period structure. Based on the example provided by these three paths, the psychological aging dynamics is analysed.

Keywords: psychological age, age structure, leading activity, developmental situation, new formation, developmental tasks, age dynamics, old age, developmental paths in old age.

References

1. Avdienko G. Yu. Ponyatie obrazovatel'noi sredy kak faktora, opredelyayushogo psicheskoe razvitiye obuchaemogo // *Sovremennyye problemy psikhologii razvitiya i obrazovaniya cheloveka*. SPb., 2010.
2. Borozdina L. V., Molchanova O. N. Osobennosti samoocenki v pozdnem vozraste // *Liders A. G., Krasnova O. V. Psikhologiya starosti i stareniya: Hrestomatiya*. M., 2003.
3. Vygotskii L. S. Lekcii po pedagogii. Izhevsk, 2001.
4. Vygotskii L. S. Problema vozrasta. *Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 4*. M., 1984.
5. Leont'ev A. N. Uchenie o srede v pedagogicheskikh rabotakh L.S. Vygotskogo (kriticheskoe issledovanie) // *Voprosy psikhologii*. 1998. № 1.
6. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M., 1975.
7. Leont'ev A. N. K teorii razvitiya psihiki rebenka // *Problemy razvitiya psihiki*. M., 1959.
8. Liders A. G. Krizis pozhilogo vozrasta: gipoteza o ego psikhologicheskom sodержanii // *Psikhologiya zrelosti i stareniya*. 2000. № 2.
9. Podol'skii A. I. Interiorizatsiya kak sredstvo operatsionalizatsii ponyatiya «zadacha razvitiya» // *Processy psicheskogo razvitiya: v poiskah novykh podhodov* / Pod red. A. I. Podol'skogo, Ya. ter Laaka, P. Heimansa. M., 1994.
10. Remshmidt H. Podrostkovyy i yunosheskii vozrast. *Problemy stanovleniya lichnosti*. M., 1994.
11. Slobodchikov V. I., Cukerman G. A. Integral'naya periodizatsiya obshego psicheskogo razvitiya // *Voprosy psikhologii*. 1996. № 5.
12. Frolov Yu. I., Tishenko E. N. Reshenie konkretnykh problem s pomosh'yu «social'nogo protezirovaniya» // *Liders A. G., Krasnova O. V. Psikhologiya starosti i stareniya: Hrestomatiya*. M., 2003.
13. Heimans P. G. Konceptualizatsiya i operatsionalizatsiya zadach razvitiya // *Processy psicheskogo razvitiya: v poiskah novykh podhodov* / Pod red. A. I. Podol'skogo, Ya. ter Laaka, P. Heimansa. M., 1994.
14. Homskaya E. D. *Neiropsikhologiya: 4-e izd.* SPb., 2005.
15. El'konin D. B. K voprosu o periodizatsii razvitiya v detskom vozraste // *Izbrannyye psikhologicheskie trudy*. M., 1989.
16. Goleman D. Erikson, in his own old age, expands his view of life. *The New York Times*. 1988. June 14.
17. Havigherst R. J. *Developmental Tasks and Education*, 3rd ed. N. Y., 1972.